

МОЖЕТ ЛИ “КОНЕЦ” БЫТЬ “НАЧАЛОМ”? ИЛИ: О НЕКОТОРЫХ “СТРАННОСТЯХ” СЛОВ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Бондарчук М. В.

Київський національний лінгвістичний університет

У статті досліджено факти російської мови, які мають внутрішню суперечність і однорідне співвідношення, яке в лінгвістиці пов'язують з енантіосемією.

Ключові слова: антонімія, палаталізація, падіння редукованих, голосні переднього та непереднього ряду.

В статье исследуются факты русского языка, содержащие внутреннее противоречие и однородную соотносительность, которую в лингвистике связывают с энантисемией.

Ключевые слова: антонимия, палатализация, падение редуцированных, гласные переднего и непереднего ряда.

A scientifically popular form of the article researches into the facts of the Russian language, which contain inner contradiction and similar co-relativity linguistically referred to enanthiosemy.

Keywords: antonymia, palatalization, drop of the reduced sounds, front and back vowels.

“En ma fin mon commencement!” –

“В моём конце – моё начало”

(Девиз Шотландской и Французской королевы Марии Стюарт).

Речь в этих заметках не идёт о том, что конец чего-то может быть началом другого чего-то. Например, конец жизни растения в пищевой цепочке может быть началом (одним из многих или продолжением энергетического снабжения травоядного животного. Или же: в начале развития зародыша заложена его смерть, запрограммирован его конец).

Здесь мы анализируем некоторые лексические факты, которые содержат в себе внутреннее противоречие, что, впрочем, представляется закономерной интенцией функционирования определённых лексических единиц.

Если мы возьмём любую антонимичную пару слов, то, как правило (хотя могут быть и исключения), самое глубокое историческое исследование вряд ли даст нам основание назвать эти слова родственными, однокоренными. Например: высокий – низкий (правда, “невысокий”, что любят исследовать как антонимичный морфемный вариант иностранные студенты, на самом деле “здесь противоречащие видовые понятия представляют собой простое отрицание друг друга, не являются предельным проявлением качества, свойства и т. п., выражаемого родовым понятием” (11, с.9), а в паре “высокий” – “невысокий” второй компонент не обязательно обозначает “низкий”, а скорее “менее, чем высокий”).

Совсем иначе выглядит ситуация при анализе пары слов “начинать” – “кончать”. В древнерусском языке эти слова имели несколько иной вид: *НАЧАТИ* – *КОНЧАТИ*. Здесь этимологически корень определяется: *чл* – *кон* (сравни также древнерусское “конць” – “начало”). Для доказательства родственности указанных корней достаточно вспомнить результаты первой палаталізації: заднеязычные *г, к, х* перед гласными переднего ряда *ј* переходили (переходное смягчение) соответственно *в, ж, ч, ш*. В данном случае, допускаем, в прадавнюю эпоху (т. е. в эпоху, предшествовавшую явлению первой палаталізації) после

“к” стоял некий гласный, и согласный “к” от этого соседства не испытывал никаких трансформаций. Когда же гласные начали разграничиваться на гласные переднего и непереднего ряда (а это, как представляется, происходило в период первой палатализации), заднеязычный “к” в одном случае (перед гласным непереднего ряда “о”) оставался самим собой (*кон*), а перед гласным переднего ряда превращался в “ч” (*чА*).

Высшее противоречие и внутренняя близость заключены не только в антономичной паре “начать” – “кончать”, но и в паре вопросительных местоимений “кто” – “что”, которые этимологически также являются однокоренными, или, как утверждает Н. М. Шанский [6, с. 105], тождественны по происхождению. В древнерусском и старославянском языке они имели следующий вид: *къто* – *чьто*. Можно предположить, что в праславянскую эпоху, в период до начала действия первой палатализации после заднеязычного “к” стоял неясный гласный *к ? то*. Это слово в одинаковой мере употреблялось для вопроса и об одушевленном, и неодушевленном предмете. Иначе говоря, на каком-то раннем этапе развития праславянского языка категория одушевленности / неодушевленности была неактуальна для носителей языка, одушевлявших всё, что их окружало. В этой категории не было никакой необходимости, так как мир вокруг человека обладал всеми теми же качествами, что и человек. Отсюда в мифологии обнаруживаем духов, переселившихся в камень, в воду, в дерево, в дождь и т. д., а также поклонение человека этим предметам, в которые вселились духи – фетишизм [8, с. 1424].

В период первой палатализации (длительность её, на наш взгляд, довольно значительна, и окончание её совпадает с: моментом дифференциации в сознании человека живого и неживого мира, что находит своё отражение в языке и речи) произошла маркировка неясного гласного после заднеязычного “к” в слове “*к ? то*” в одном случае на более передний, в другом случае на менее передний гласный (ь и ъ). А так как по первой палатализации заднеязычный “к” не мог стоять перед гласным переднего ряда “ь”, то перед “ъ” сохраняется “к”, а перед “ь” “к” превращается в “ч”: *КЪТО* – *ЧЪТО*. В прабалтославянскую эпоху такого разделения ещё не было. Реликтом той эпохи является тот факт, что в современном латышском языке до сих пор для обозначения вопроса к одушевленному и неодушевленному предмету используется одно слово “*kas*” [16, с. 393].

Однокоренными (тождественными по происхождению) являются также антонимичные в современном русском языке слова “сладкий” и “солёный” [7, с.208]. Как указывает Н. М. Шанский [6, с. 49-50], даже в пословице “Без соли не сладко” (в значении “вкусно”), “вкусно” – одно из промежуточных значений слова “сладкий”. Слово “сладкий” – заимствование из старославянского языка (исконно русская форма – “солодкий”).

Слово *solď+къ (ср. современное “солод”) превратилось в слово “сладкий”, что первоначально обозначало “с солью, вкусный, пряный” [16, с.713], затем “приправленный”, а значит “вкусный”, а потом уже приобрело более узкое значение “вкуса сахара, содержащий в себе сахар”. В результате слова-братья “солёный” и “сладкий” выступают сейчас как чужие (6, с. 49-50), стали антонимичными.

Подобное расхождение в значении (противоречие, заложенное, вероятно, в слова в древнейшие времена) ещё более заметно в близкородственных славянских языках. Так, в современном русском языке слово “уродливый” (“урод”, “уродка”) обозначает некрасивый, безобразный [9, с. 727]. В украинском языке слово “вродливий” (начальный согласный *в* возник, видимо, из неслогового *ў*, ср. в этом отношении белорусское “уродливый”) обозначает “красивый” [15, с. 112], в польском “urodka” – красавица [7, с. 508]. Вероятно, первоначально в языке слово “уродливый” употреблялось параллельно и в значении “очень некрасивый”, и в значении “такой уродившийся”, т. е. от рода такой наружности (красивый или некрасивый). На это ссылается и В. Даль [7, с. 508], утверждающий, что “уро́да” (юго-западный диалект – “вро́да”) обозначает рост, стан, стать, вся наружность, вид, образ, природа человека и животного: “Поглядел бы ты в воду на свою уро́ду! Зубры такие же были, да не той уро́ды”.

Даже в русском алфавите мы обнаруживаем родственность там, где очевидно противоположение. Общеизвестны такие фразеологизмы: “от аза до ижицы”, “от альфы до омеги”, “от корки до корки”, “от доски до доски”, “от а до я” [17, с. 30, 31, 145, 206]. В последнем из предложенных выражений буква “а” обозначает не только начальную букву алфавита, но и, фактически, конечную букву алфавита “я”. А если учесть, что буква “я” (местоимение 1-ого лица единственного числа в древнерусском языке, которому в старославянском языке соответствует местоимение “азь”) обозначает нечто первое, главное для человека в мире, который его окружает и вместе с тем является последней буквой в иерархии букв алфавита, то мы приходим к мысли, что в этой букве (слове) есть начало и конец сущего.

Современная буква “а” алфавита возникла из старославянского “азь”. На древнерусской почве начальный “а” всегда сочетался с *j* (азь). В древнерусском языке не только начальный “а”, но и “о”, “у” присоединяли к себе *j*: *уноша* (старославянское) – *юноша* (древнерусское). В древнейших памятниках письменности (11-12 века) наблюдается параллельное использование местоимений “азь” (старославянское), “азь” (древнерусское) и “>” – “я” (древнерусское и современное) [2, с. 205].

Господствующим местоимение “я” стало в деловой письменности 17 века. В слове “ЯЗЬ” (из старославянского “азь”) конечный редуцированный “ь” в слабой позиции исчез (явление падения редуцированных), а “з” отпал.

Таким образом, первая буква алфавита “а” содержит в себе родословные черты буквы “а” (и наоборот), т. е. “начало” есть “конец”.

Сведение конца и начала известно издревле. В Древнем Риме были распространены чаши и столовые приборы, украшенные двумя головами. Они изображали двуликого Януса – божество ворот, дверей (вход – выход), начала и завершения дела.

Незабвенный Козьма Прутков в таких случаях мудро спрашивал: “Где начало того конца, которым оканчивается начало?” [3, с. 84].

Постоянный переход начала в конец и наоборот говорит о бесконечности мира, и можно предположить, что мир (как материальный, так и разумный, как часть материального) никогда не начинался и никогда не кончался, а существовал и будет существовать вечно.

Вместе с антонимами в современном русском языке, которые при ближайшем рассмотрении оказываются словами-братьями, а вовсе не антонимами, или почти не антонимами, мы обнаруживаем в языке слова с внутренней антонимией, т.е. слова, которые в своём значении содержат противоположные, крайние значения одной и той же сущности. Такая противоположность значений внутри одного и того же слова, находящая внешнее выражение в контексте, в характере синтаксических и лексических связей слова в его разных, противоположных значениях с другими словами относят в лингвистике к энантиосемии [11, с. 14].

Такое внутреннее противоречие мы находим в слове “одолжить”. Как указывают авторы словаря-справочника журналиста “Трудности русского языка” [14, с. 276], из языка 19 века в современный русский язык глагол “одолжить” перешёл со значением “дать в долг”. И далее: “В современном разговорном языке, по-видимому, под влиянием слова “долг”, которое означает как то, что заимообразно отдано, так и взять, широко распространено использование глагола “одолжить” также в значении “взять в долг”.

Таким образом, в слове “одолжить” мы обнаруживаем две, противоречащие друг другу семы “дать” – “взять”. И хотя у С. И. Ожегова [9, с. 382] подобное употребление квалифицируется как неправильное, всё же в практику входит такое противопоставление слова “одолжить” [13, с. 276].

Такое же внутреннее противоборство мы встречаем в словах: “прослушать” – а) “воспринять слухом” (прослушать оперу); б) “не услышать, пропустить” (слова собеседника); “честить” – а) прежде значило “чувствовать”, “восхвалять”; б) “бранить”, “ославлять”; “задуть” – а) “погасить” (задуть свечу); б) “зажечь” (ввести в действие домну) [4, с. 76].

В слове “одеть” в последнее время развивается внутреннее противоречие по линии “живой” – “неживой”. Слова “надеть” и “одеть” до сих пор разграничиваются сферой употребления: “надеть” – что на кого; “одеть” – кого во что. Вместе с тем всё чаще в практике встречаются случаи употребления глагола “одеть” на месте глагола “надеть”.

В. И. Шанский считает это вполне допустимым, ссылаясь на примеры классической литературы [6, с. 23-24]. В других источниках авторы придерживаются правил лингвистического пуризма, лишая глагол “одевать” излишне широкой семантики [9, с. 380; 12, с. 184].

Неустоявшееся противопоставление находим и в некоторых других случаях. Солдаты “приносят присягу” или “принимают присягу”? На это обратил внимание Б. Тимофеев, указывая, что присягу солдаты “дают”, “приносят”, а командиры от имени государства “принимают” [4, с. 67].

Совершенно неожиданное развитие получило использование слова “вертеп”. Как указывает М. Фасмер [16, с. 300-301], “вертеп” – это пещера, притон; сценическое изображение рождества Христова (вероятно, и слово “притон” семантически видоизменилось).

Энциклопедический словарь [12, с. 212] даёт два значения: 1) народный украинский кукольный театр (без ссылки на религиозное происхождение); 2) трущобы, притоны. То же даёт и С. И. Ожегов [9, с. 65]. В. И. Даль к этому добавляет: овраги, сугробы [7, с. 182]. “Не повезло” также другим приличным первоначально словам в русском языке, большей частью заимствованным из других языков. Так слово “стерва” у С. И. Ожегова обозначает просторечное, презрительное, бранное “негодяй, мерзавец” [9, с. 666], хотя у Даля – труп околешего животного, падаль; отсюда “стервятник” [5, с. 323]. Словом “зараза” первоначально называли красивых девушек, которые могли “заразить” (поразить) своих ухажеров. Хотя М. Фасмер указывает в первую очередь на болезнь [16, с. 79]. Такими же невинными первоначально были слова: *кретин* (христианин в горном районе французских Альп), *идиот* (частное лицо в Древней Греции в противовес тем, кто занимался общественной деятельностью), *болван* (каменный или деревянный языческий идол), *лох* (отнерестившаяся рыба), *подлец* (из польского – простой, незначимый человек), *поддон* (остаток жидкости на дне), пошлость (традиционное, привычное, то, что пошло исстари), *негодяй* (негодный к строевой военной службе) [6, с. 7].

К некоторым “странностям” русского языка можно отнести отдельные выражения, противоречивые по своей сути (и затруднительные для перевода на иностранные языки), а также оксюмороны, которыми богата русская речь: *руки не доходят* (как будто руками ходят); приглашение “*Давай бери*”; *старый новый год*; *порядочная дрянь*; *ужасно хороший и страшно красивый*.

Литература

1. Вартаньян Э. А. Путешествие в слово / Э. А. Вартаньян – М. : Просвещение, 1987. – С. 208.
2. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка / В. В. Иванов. – М. : Просвещение, 1983. – С. 399.
3. Козьма Прутков. Плоды раздумья // Комсомольская правда в Украине. – 2007. – С. 315.
4. Тимофеев В. Правильно ли мы говорим? / В. Тимофеев. – Л. : Лениздат, 1963. – С. 331.
5. “Труд”. – 2007, 23.02. – С. 6.
6. Шанский Н. В. В мире слов / Н. В. Шанский. – М. : Просвещение, 1971. – С. 254.

Справочники

7. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка в четырёх томах / Владимир Даль. – М. : Русский язык, 1989-1991.
8. Мифы народов мира. – М. : Советская энциклопедия, 1989.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Русский язык, 1986.

10. Русское литературное произношение. Словарь-справочник. – М. : Гос. изд. иностр. и национ. словарей, 1959.
11. Словарь антонимов русского языка. – М. : Русский язык, 1978.
12. Словарь русского литературного словоупотребления / [под ред. А. П. Безрук, В. М. Брицына, Г. П. Ижакевич и др.]. – К. : Наукова думка, 1987.
13. Советский энциклопедический словарь. – М. : Сов. энциклопедия, 1989.
14. Трудности русского языка / [под ред. Л. И. Рахмановой]. – М. : МГУ, 1974.
15. Українсько-російський словник. – К. : Голов. ред. україн. рад. енциклопедії, 1977.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Макс Фасмер. – М. : Прогресс, 1964-1973.
17. Фразеологический словарь русского языка / [под ред. А. И. Молоткова]. – М. : Советская энциклопедия, 1968.